

МИХАИЛ ЗЫГАРЬ

**ВСЯ
КРЕМЛЕВСКАЯ
РАТЬ**

Краткая история
современной России

Москва
2016

Глава 4

В КОТОРОЙ ГЛАВА КРЕМЛЕВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ СОЗДАЛ НОВОЕ РОССИЙСКОЕ СОСЛОВИЕ

Дмитрий Медведев производит очень необычное для политика впечатление — он кажется хорошим человеком. По нему видно, что он не очень уверен в себе, — особенно это заметно по тому, что он старается произвести впечатление человека, который уверен в себе. При этом он точно умеет слушать и даже любит советоваться: например, может спросить у журналистов перед телеинтервью, какого цвета галстук ему надеть. Или лучше вообще без галстука?

Дмитрий Медведев начинал свою карьеру как преподаватель — в нем до сих пор много от молодого учителя, который заходит в класс, не уверенный, как его воспримет аудитория, поэтому старается быть более взрослым, более серьезным, а иногда, наоборот, говорить на молодежном сленге. Он вроде уже привык быть не в своей тарелке. Даже когда он показывает своего кота или рассказывает про учебу своего сына, видно, как он старается произвести правильное впечатление.

Иногда Медведев вообще походит на прилежного студента. Когда он говорит вещи, с которыми совершенно не согласен — но должность обязывает, в нем появляется что-то от отличника, который выучил свой урок наизусть. И может его отлично пересказать, даже сымпровизировать, хотя сама тема ему глубоко неприятна и противна.

Дмитрий Медведев, конечно, никогда не планировал стать политиком. Он в политику попал случайно. Может, даже против воли. Но он отличник. Поэтому при-

ходитя терпеть и чувствовать себя не в своей тарелке. И, кажется, он верит в то, что может всех перетерпеть.

Дима

Приняв отставку Александра Волошина, президент Путин назначил новым главой администрации президента его первого заместителя — Дмитрия Медведева. Совершенно неизвестного публике чиновника, у которого в послужном списке было только то, что он приехал из Петербурга, а потом в 2000 году возглавлял предвыборный штаб Владимира Путина на президентских выборах. При этом все знали, что тот предвыборный штаб был только формальностью и реально ничего не делал (ведь классической предвыборной кампании Путин не вел: в дебатах не участвовал, наружной рекламы не расклеивал). Настоящую предвыборную кампанию Путина вела администрация президента во главе с Волошиным: именно Кремль раздавал указания федеральным телеканалам, Кремль организовывал все предвыборные поездки Путина, которые при этом назывались вовсе не предвыборными, а рабочими поездками премьер-министра.

Наследство Медведеву осталось очень мощное, с 1999 года так повелось, что именно администрация президента являлась основным центром силы в государстве. По сути, став главой кремлевской администрации, Дмитрий Медведев оказался самым влиятельным чиновником в России, ведь помимо этого он занимал еще одну важнейшую должность — с 2000 года он возглавлял совет директоров компании «Газпром». Но, возможно, именно поэтому Медведев и занял две эти ключевые должности — он еще несколько лет оставался совершенно незаметен, не тянул одеяло на себя, не набирал никакого политического веса — до тех пор, пока не получил от Путина следующее предложение.

О том, что Медведев является «официальным преемником» Волошина и после него возглавит администрацию, сам Путин объявил еще до того, как стал президентом. Он говорил об этом еще в марте 2000 года в книге «От первого лица». Эта офици-

альная биография вышла как раз перед выборами, состояла она из интервью, которые взяли у Путина три журналиста из «Коммерсанта» (лучшей газеты страны, принадлежавшей Березовскому): Наталья Тимакова, Наталья Геворкян и Андрей Колесников. (По иронии судьбы, почти сразу после выхода книги пути журналистов разошлись в противоположные стороны. Тимакова ушла работать в Кремль, чтобы впоследствии стать пресс-секретарем и правой рукой Дмитрия Медведева, Наталья Геворкян уехала жить в Париж, чтобы через 15 лет стать медиасоветником Михаила Ходорковского, а Андрей Колесников остался в «Коммерсанте» и остался верен Путину: стал его ежедневным биографом в качестве «пристегнутого» к Путину корреспондента.)

Вот небольшой фрагмент из их книги, в котором Путин перечислял самых близких и доверенных людей:

«— К чьим предложениям вы прислушиваетесь, кому доверяете? Вот вы говорили, что ваши технологи в качестве задачи на первый год ставят формирование команды. Кто в вашей команде? Кому вы доверяете?»

— Доверяю? Сергею Иванову, секретарю Совета безопасности.

— Вы давно знакомы?

— Давно, но не очень близко. Он начинал работать в Ленинградском управлении КГБ. Я тогда просто знал, что есть такой человек. Потом он уехал в Москву и так здесь и остался. Был в нескольких длительных заграничных командировках, по несколько лет. У нас было много общих друзей. В общем, информация о нем была с разных сторон, положительная информация. Знает несколько языков: английский, шведский и финский, по-моему. Я считаю, что он вполне на своем месте. Недавно вернулся из Штатов, очень хорошо поработал. Он встречался с Клинтоном, Олбрайт, Бергером. Я доволен его работой.

— Но вы же еще ни с кем не съели пуд соли.

— Конечно, лучше, если есть возможность в чем-то убедиться на практике. Но давайте согласимся, что есть еще такое понятие, как чувство локтя. Вот с Ивановым такое чувство возникает. И с Николаем Патрушевым тоже, и с Димой Медведевым.

— Медведев возглавляет ваш предвыборный штаб. Он же тоже питерский?

— Он работал на кафедре гражданского права в Ленинградском университете, кандидат юридических наук, эксперт хорошего уровня. Во время работы с Собчаком мне там, в аппарате мэрии, нужны были люди. Я пришел за помощью к юрфаковцам, и они мне предложили Диму. Когда я был заместителем мэра, он был у меня советником, работал года полтора. А потом, после тех неудачных выборов, он, естественно, через какое-то время ушел из мэрии и вернулся в университет.

— Вы его недавно пригласили в Москву?

— Совсем недавно, в этом году. Вообще-то у меня идея была насчет Димы другая. Я хотел, чтобы он возглавил Федеральную комиссию по ценным бумагам. Он специалист по рынку ценных бумаг. Ему вроде бы работать в нашей команде нравится, а где конкретно — посмотрим.

— Еще кто?

— Я Алексею Кудрину доверяю. Он сейчас первый замминистра финансов. Считаю, что он парень порядочный и профессиональный. Мы вместе работали у Собчака, оба были его заместителями. За годы совместной работы можно было человека узнать как следует.

— А Игорь Сечин откуда появился?

— Сечин тоже работал у нас в Петербурге, в протокольном отделе. Он филолог по образованию. Знает португальский, французский и испанский языки. Работал за границей — в Мозамбике и Анголе.

— Воевал?

— В общем, воевал. Потом попал в исполком Ленсовета. Когда я стал заместителем мэра и набирал свой аппарат, многих пересмотрел, и Сечин мне понравился. Предложил ему перейти ко мне на работу. Это было году в 92–93-м. А когда поехал работать в Москву, он попросился со мной. Я его взял.

— А что же будет со старой-то гвардией в Кремле, с камарильей? Все говорят: подождите, вот Путин выиграет выборы и от них освободится. В лучшем случае уволит.

— Вы знаете, такая логика характерна для людей как раз с тоталитарным мышлением. Потому что так, по идее, должен

был бы поступить человек, который хочет остаться на этом месте на всю жизнь. А я не хочу.

— Но есть какие-то фигуры, которые воспринимаются как общественные аллергены. Мы говорили о Павле Бородине. Вот еще глава администрации президента Александр Волошин. Не любим общественностью.

— Волошин не любим не столько общественностью, сколько частью истеблишмента. Есть негатив, возникший на уровне группировок и кланов, которые боролись между собой. Досталось и Волошину. Боролись, между прочим, негодными средствами. Я не считаю, что это — основание увольнять кого-то. На сегодняшний день он меня более чем устраивает. Работа, которой занимается Волошин, довольно тонкая. Мы с ним вместе обсуждали, кого можно было бы поставить на его место, говорили про Диму Медведева. Волошин сам сказал: «Пусть замом Дима поработает, потом, может быть, вырастет и будет вариант на мою замену». Сейчас загадывать нет смысла¹⁶.

Оказалось, что Путин как заранее знал — все так и вышло, как он предсказывал в 1999 году. Действительно, все перечисленные товарищи занимали ключевые посты вокруг Путина. Но и журналисты оказались правы — питерское окружение не скрывало своего восторга, когда в отставку подал «семейный» глава администрации Волошин. «Все, Византия закончилась!» — провозгласил в интервью газете «Коммерсантъ» министр финансов Алексей Кудрин, комментируя новость об отставке Волошина.

Новый хозяин администрации, Медведев, полная противоположность своему предшественнику, действительно совершенно не походил на византийца. Скорее на идеального гоголевского чиновника. Он (через несколько месяцев после назначения) предложил Путину новую структуру администрации: фактически она ничем не отличалась от старой, все прежние чиновники сохраняли свои места и функционал, менялись только их названия. Первых заместителей главы администрации больше не было. Обычных заместителей было два: Сечин и Сурков. Остальные заместители переименовывались в «помощников президента».

Журналистам Медведев (возможно, в шутку) объяснял это преобразование тем, что так иностранцам понятнее, кто чем

занимается в администрации. «Это гораздо красивее. Я выезжаю за границу. Иногда это бывает. Не часто. И вот как замглавы администрации приезжал, например, в Америку — и никакого впечатления не мог произвести там на людей, которые командуют, для примера, скрепками. Они понимают, что такое помощник. У них руководитель аппарата Белого дома Эндрю Кард — помощник президента. Но вот и у нас теперь все нормально»⁵⁸.

Но главное достижение Медведева на новом посту заключалось в том, что он добился принятия закона «О государственной гражданской службе», который сам же и написал. Этот закон, по сути, был повторением административной реформы, произведенной в России императором Петром I в начале XVIII века, который ввел Табель о рангах для госслужащих. Медведев, по сути, эту табель о рангах воссоздал, только теперь вместо «тайных советников» и «статских советников» возникли «действительные государственные советники 1, 2 и 3 классов». Более того, главный чиновник России Медведев часто говорил о том, что в России госаппарат вовсе не раздут и не нуждается в сокращении — напротив, по сравнению с другими странами у нас даже дефицит профессиональных чиновников.

Это пожелание Медведева вскоре осуществилось. Следующее десятилетие стало золотым для российских госслужащих. Их число выросло в три с половиной раза. А насколько выросло благосостояние — можно только гадать. В 2003 году российские чиновники были еще бесхитростными и не слишком коррумпированными, если этот эпитет вообще применим к российским чиновникам. Они могли оказывать невероятные преференции дружественным бизнесменам в обмен на довольно скромные знаки внимания. Например, распространенным видом взятки был вывоз чиновника с семьей на отдых за границу. Предприниматели организовывали заграничный досуг крупнейших госслужащих и их семей (это обходилось им максимум в несколько тысяч долларов), а взамен получали контракты стоимостью в миллионы.

Подобная близость чиновников и бизнесменов даже не считалась конфликтом интересов: к примеру, все знали, что Владимир Ресин, вице-мэр Москвы, курирующий стройки, вместе

с семьей жил в Монако в одном роскошном люксе с крупнейшим девелопером Шалвой Чигиринским. И никого это не смущало.

Лишь спустя лет пять чиновники распробуют вкус роскоши, поймут, как много они по-настоящему стоят, и осознают, что не стоит брать подачки от миллиардеров, если можно стать миллиардерами самим. Но в начале нулевых эта революционная мысль просто не приходила им в голову.

Идеальный кандидат

Основной задачей Медведева в качестве главы администрации стало переизбрание Путина на второй срок. В первый раз он был главой предвыборного штаба, теперь возглавлял реальный штаб — Кремль. Реальным политтехнологом, который вел предвыборную кампанию, впрочем, был первый зам Медведева, доставшийся ему еще в наследство от Волошина, — Владислав Сурков.

На первый взгляд выборы были чистой формальностью: Путин побеждал легко и уверенно. Но на самом деле интрига заключалась в другом: с окончанием первого срока (и «дела ЮКОСа») и началом второго срока старая ельцинская гвардия окончательно уступала место новой путинской. «Ленинградский клан», как назвали бы его в советские годы, или «питерские», как звала их тогда пресса, обретали настоящую власть, они окончательно выходили из тени после четырех лет «стажировки».

«Спасибо, что показали нам, как управлять страной. Теперь мы можем сами» — такую фразу, якобы произнесенную помощником Путина Игорем Сечиным, вспоминает бывший премьер-министр Михаил Касьянов. По его словам, именно так Сечин провожал его из Белого дома после того, как Путин сообщил премьеру о неожиданной отставке.

Накануне объявления нового премьера в это кресло прочили и министра финансов Алексея Кудрина, и министра обороны Сергея Иванова, и даже главу предвыборного штаба Путина Дмитрия Козака. Но Путин сделал странный выбор — он обошел всех близких себе людей, всех выходцев из «питерского клана» и сделал ставку на абсолютно чужого и малознамого человека.

Премьером стал Михаил Фрадков, безликий чиновник из ниоткуда, но с большим опытом аппаратной работы в правительстве. Фрадков служил в органах (хотя в его официальной биографии этот пункт отсутствует), был министром внешнеэкономических связей и торговли в нескольких правительствах при Ельцине, возглавлял налоговую полицию в первые годы Путина, а в 2003 году был отправлен послом в Брюссель. Оттуда его неожиданно и вытащил Путин, к общему изумлению всей политической элиты. Никаких преимуществ, кроме того, что он был абсолютно неопасен для Путина.

Путин знал Фрадкова еще с начала 1990-х годов: тот был его фактическим начальником. В тот момент, когда будущий президент возглавлял Комитет по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, будущий премьер работал замминистра внешнеэкономических связей России. Однако определяющим моментом для назначения Фрадкова стал разговор, который Путин позже пересказывал журналистам.

В начале 2003 года Кремль осуществлял перестановку в рядах силовиков и решил ликвидировать сразу три мощных ведомства: ФАПСИ (агентство, осуществлявшее секретную правительственную связь), Федеральную пограничную службу и налоговую полицию. Функции ФАПСИ и погранслужбы переходили ФСБ, а борьба с налоговыми преступлениями отходила МВД. Руководители закрываемых ведомств по-разному отреагировали на известие о своем увольнении (притом, что все получили новые назначения): кто-то даже пытался спорить с Путиным. И лишь Фрадков удивил Путина.

«Михаил Ефимович! Забудьте, что вы руководитель, и скажите, вот если действовать из интересов государства, то, как вы считаете, возможна передача ваших функций в МВД? Только по-честному», — спросил президент. И тот прямо сказал, что так будет, конечно, эффективнее. И добавил, что надеется, что «при любых решениях люди не пострадают». Готовность к самопожертвованию по воле начальника Путин оценил. Фрадкова отправили в самую почетную ссылку: послом при Евросоюзе, в Брюссель. Но главное — Путин запомнил его как человека исключительной лояльности.

«Я легко могу себе представить, как рассуждал Путин, когда выбирал Фрадкова премьером, — рассказывал бывший высокопоставленный сотрудник Кремля, — у него одни плюсы и никаких минусов. Имеет опыт работы во всех сферах: и в силовых органах, возглавлял налоговую полицию, и в экономике, был министром внешнеэкономических связей, и на международной арене, был послом в Брюсселе. И нигде не зазнался».

Став премьером, Фрадков в точности скопировал реформу, которую провел в администрации президента Дмитрий Медведев, — произвел арифметическое уменьшение числа руководителей при увеличении общей структуры. Вместо шести вице-премьеров остался только один, а вместо 23 министров — 14, зато под каждым министерством выросло несколько федеральных агентств.

Чем больше рос госаппарат, тем меньше было результатов его деятельности. Волошин и Касьянов говорят, что в конце их пребывания во власти реформы практически остановились, однако именно с приходом Фрадкова начались сосредоточенный дрейф и исключительная имитация бурной деятельности. Фрадков осознавал, что именно в этом и есть его предназначение — он не имел возможности проявить какие-либо амбиции, не должен был перейти кому-либо дорогу.

Парадоксально, но официальный экономический курс, провозглашенный Путиным перед переизбранием на второй срок, был максимально амбициозным — президент требовал, чтобы к 2010 году в стране был удвоен ВВП. Министр экономического развития Греф, архитектор путинских реформ, вяло сопротивлялся, утверждая, что к 2010 году успеть невозможно, разве что к 2015-му. А вот премьер-министр президенту не перечил и уверял, что все будет сделано. В коридорах Белого дома тогда существовало такое объяснение беспечности Фрадкова: «За плохую работу не увольняют — увольняют за нелояльность». Поэтому Фрадков был абсолютно спокоен и не боялся не выполнить предписание президента. В конце концов, он не преуспел ни на одном из предыдущих постов, почти все ведомства, в которых он работал, расформировывали за ненадобностью. И все же именно этим путем он пришел к успеху.

Удвоение ВВП

Президентские выборы 2004 года прошли без сбоев, Путин получил 71% голосов. И в тот момент, когда шел подсчет, в самом центре Москвы, прямо напротив Кремля, загорелось историческое здание Манежа — самого центрального выставочного зала столицы. Пожарище у стен Кремля производило мрачное впечатление на зрителей, которые следили за результатами голосования. Здание было возведено в 1817 году по приказу императора Александра I в честь пятилетия победы над Наполеоном. А в пятилетие правления Владимира Путина сгорело. Покидая свой штаб, Путин вместе с журналистами поднялся на одну из башен Кремля, чтобы понаблюдать за пожаром.

В ходе тушения погибли двое пожарных. Причины возгорания остались невыясненными, все указывало на поджог. В правительственных кабинетах шептались, что Манеж, скорее всего, подожгли в интересах мэра Москвы Юрия Лужкова, чтобы тот мог разрешить конфликт с инвесторами. Любопытно, что сам Лужков приехал на место пожара в считанные минуты и с ходу заявил журналистам, что версия поджога исключена.

Журналисты как один шептались про плохое предзнаменование. Но Путин, говорят, даже не злился. Задача была выполнена, выборы позади, все остальное — мелочи. Наказывать Юрия Лужкова, своего бывшего главного противника, за то, что тот испортил ему праздник, Путин не стал. Лужков обеспечил Путину приличный результат в Москве — 69%, и это главное.

Самый лучший результат Путин получил в Чечне. Новый чеченский лидер Ахмат Кадыров, бывший муфтий республики, в 1990 году объявлявший джихад русским, а в 1999 году вставший на сторону Путина, обеспечил 92,4% голосов. Это было символом эффективности первого срока Путина: война в Чечне, которая привела его в Кремль четыре года назад, закончилась.

Через день после инаугурации Путина, 9 мая 2004 года, во время празднования Дня Победы в чеченской столице прогремел взрыв. Бомба была заложена под трибуной, на которой сидел президент Чечни Ахмат Кадыров. Он умер по дороге в больницу. В тот же день в Кремль к Путину привезли его младшего сына

Рамзана. Он был в спортивном костюме, с трудом сдерживал слезы. Единственная фраза, которую он произнес на камеры, была: «Чеченский народ сделал свой выбор, и этот выбор — окончательный». Встреча Рамзана Кадырова с Путиным фактически означала, что президент тоже выбор сделал и он тоже окончательный: следующим главой Чечни назначается Кадыров-младший. Тому, впрочем, еще не исполнилось 30 лет, и по закону стать президентом он еще не мог. Но тем не менее начал готовиться к вступлению во власть. Сначала он руководил силовиками республики в качестве вице-преьера, потом стал премьером и только через три года — полновластным хозяином Чечни.

Гламурное лето

Лето 2004 года было, наверное, самым спокойным летом в истории Путина и, наверное, самым бессмысленным. Какая-либо государственная деятельность остановилась. Столица страны де-факто переместилась в Сочи — там поочередно отдыхали и работали все руководители государства.

Путин провел там почти весь август, туда к нему съезжались в гости зарубежные лидеры: сербский премьер Воислав Коштуница, белорусский президент Александр Лукашенко, армянский президент Роберт Кочарян, украинский президент Леонид Кучма с наследником — Виктором Януковичем.

В конце августа у Путина случилось дежавю. Как и четыре года назад, в конце первого лета его первого срока, случилась страшная трагедия. Тогда это была подлодка «Курск», теперь — два самолета, вылетевшие из московского аэропорта Домодедово. Они были взорваны прямо в воздухе террористками-смертницами. Чтобы не повторить ошибку четырехлетней давности, Путин немедленно приехал в Москву, провел совещание в Кремле, а потом вернулся в Сочи. Теракты случились за пару дней до предстоящих выборов нового президента Чечни (вместо погибшего Кадырова). Эти выборы должны были продемонстрировать, что новая пропутинская власть в республике абсолютно легитимна.

Выборы состоялись. Правда, многие приехавшие в Чечню журналисты свидетельствовали, что участки почти пусты, избиратели попросту боялись выходить из дома. Несмотря на это, официальная явка составила 85%.

Через день в гости на сочинскую дачу Путина приехали Жак Ширак с Герхардом Шрёдером. Они заявили, что нет никаких сомнений в честности и легитимности чеченских выборов. Главный гештальт, с которым Путин вступал в должность президента, был закрыт. Война в Чечне была в прошлом, никто больше не интересовался тем, что там происходит. Сидя в роскошной сочинской резиденции, президент Франции и канцлер Германии заверяли Путина, что у них нет к нему никаких претензий.

Этот триумф был испорчен на следующий же день, 1 сентября 2004 года. Не успели Ширак и Шрёдер покинуть Сочи, как группа террористов захватила школу в городе Беслан, в 100 километрах от Грозного, в республике Северная Осетия. В заложниках оказались 1128 человек. Это был самый страшный теракт в истории России (масштабнее «Норд-Оста») — и самое наглядное доказательство того, что война в Чечне далека от завершения.

Путин снова прервал отпуск и прилетел в Москву. Чтобы не повторять ошибки с «Курском». А дальше власти повторили все прежние ошибки — даже в еще более страшном виде. Официальные сообщения занизили число заложников: по телевидению говорили, что их от 200 до 500. Потом власти уверяли, что террористы не предпринимали попыток вести переговоры. Притом, что выжившие свидетели говорили, что террористы передавали несколько видеокассет с записанными требованиями. Наконец, по официальной версии штурм школы 3 сентября был спровоцирован подрывом самодельного взрывного устройства внутри здания. Но по данным независимого расследования, проведенного депутатом Госдумы Юрием Савельевым, причиной смерти большей части заложников стал огонь, который велся снаружи школы, т. е. штурмовавшими сотрудниками спецслужб¹⁷.

В тот день, когда в Беслане хоронили погибших, в город приехали многие руководители государства: премьер-министр Фрадков, глава администрации президента Медведев, мэр Москвы Лужков, спикеры палат парламента, генпрокурор. Они

не пошли на кладбище. Вместо этого они под камеры провели траурный митинг на центральной площади. В городе весь день лил проливной дождь. Никто из жителей, потерявших в школе своих детей, на митинг не пришел. Никто из московских чиновников, стоявших перед телекамерами на трибуне под черными зонтиками, не пошел на кладбище.

Расследование причин теракта проведено не было. Самое страшное преступление нулевых, по сути, осталось нераскрытым.

На следующий день после штурма Путин выступил с пространной философской речью, очень напоминавшей речь Джорджа Буша после терактов 11 сентября 2001 года. Правда, в отличие от терактов в Нью-Йорке, среди напавших на Беслан не было ни одного иностранца — все они были ингушами, чеченцами и русскими (изначально СМИ писали про найденный труп негра, но довольно скоро выяснилось, что это было просто сильно обгоревшее тело).

Начал Путин свою речь с воспоминаний о Советском Союзе: «Сегодня мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства. Государства, которое оказалось, к сожалению, нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира. Но, несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией. Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными».

Затем начал обвинять внешних врагов: «Наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока. В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых — бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок “пожирнее”, другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить».

Никакой конкретики Путин не привел. Зато ситуацией военного времени объяснил изменение политической системы: «Это не вызов президенту, парламенту или правительству. Это вызов всей России. Всему нашему народу. Это — нападение на нашу страну. Уважаемые соотечественники! Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью сравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе. В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны».

Под укреплением единства Путин подразумевал отмену губернаторских выборов. Отныне глав регионов предстояло определять лично президенту — после чего региональный парламент должен был проштамповать решение главы государства.

Михаил Касьянов, к сентябрю 2004 года уже уволенный премьер-министр, уверен, что отмена губернаторских выборов была заготовкой. Он считает, что Путину был нужен предлог, чтобы принять нужное ему решение, и Беслан стал таким предлогом.

Сотрудники администрации президента это предположение не подтверждают. Наоборот, настроение перед терактом в Беслане было максимально расслабленное. Никакого плана не существовало, а решение отменить выборы губернаторов было жестом отчаянного раздражения.

Теракт в Беслане завершил самое спокойное и безмятежное лето Путина. Удивительно, но непропорциональный ответ на теракт, фактически превративший Россию в унитарное государство, оставил общество равнодушным. Сытое и безмятежное лето, обеспеченное постоянным притоком нефтедолларов, продолжалось в стране еще четыре года — до кризиса 2008 года.

В России начались гламурные нулевые — самый странный период в ее истории. Фокус всеобщего внимания полностью переключился на потребление предметов бытовой культуры. Впервые в жизни российское общество в смысле достатка и комфорта оказалось не позади человечества, а впереди него.

Рядовые граждане России первыми в мире осваивали айфоны, айпады, плазменные панели, новые автомобили, посудомоечные машины, соковыжималки и пылесосы. В каждом круп-

ном городе России появились гипермаркеты, многозальные кинотеатры, боулинги, рестораны, ночные клубы. Граждане начали регулярно и массово выезжать отдыхать за границу. Россия неуверенно и неумело училась быть богатой страной.

Политическую и бизнес-элиту бытовой роскошью было уже не удивить. Она конкурировала в невиданной роскоши. Она открыла для себя Лазурный Берег и Куршевель, куда московский свет вылетал частными самолетами на один вечер — просто выпить и погулять.

Среди московских предпринимателей стояла очередь за частными самолетами Falcon — не иметь собственного джета считалось прямо-таки зазорно. Производитель не успевал удовлетворять спрос со стороны богатых русских, зато в России появился новый бизнес. Предприниматели средней руки занимали место в очереди на бизнес-джет, а потом продавали свою очередь какому-то более медлительному миллиардеру.

Каждый из «олигархов» пытался в чем-то перещеголять соседа. У Романа Абрамовича была самая дорогая яхта. У Михаила Прохорова — самые шумные вечеринки с девушками-моделями.

Символом московского высшего света стал ресторан «Марио», там ежедневно ужинал не только весь российский список *Forbes*, но иногда и президент Путин — для него полностью закрывали весь второй этаж. А молодой хозяин Чечни Рамзан Кадыров предпочитал итальянский ресторан Antinori — для него ресторан закрывали полностью.

Главные ночные клубы в Москве строились и открывались лишь на три-четыре месяца, чтобы затем закрыться, потому что пресыщенная публика хотела чего-то нового. Заказать столик стоило безумных денег, но в клубы было не попасть, вспоминает Ксения Собчак — участница вечеринок, на тот момент студентка, дочь покойного мэра Санкт-Петербурга и некогда начальника Владимира Путина Анатолия Собчака. По клубам, впрочем, чиновники не ходили, зато там бывали бизнесмены: и Роман Абрамович, и Михаил Прохоров, и Владимир Потанин, и Олег Дерипаска.

Гламурные нулевые страна провела в забвении. Никакой политики, никакой общественной жизни — сплошной гедонизм.

В этот период московские «олигархи» и прилипающая к ним тусовка были значительно богаче и жили значительно ярче, чем армия госчиновников. Министры и губернаторы, хоть и не бедствовали, все же смотрели на безумную роскошь с расстояния: они еще не распробовали Cristal и еще не успели покататься в Куршевеле. Пока «московские» гуляли, «питерские» работали: брали власть в свои руки. Настоящее богатство они распробуют только спустя пять лет, когда будет уже поздно.